

Н.Л. Панина

Новосибирский государственный университет

**«Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской»:
расширение нарративного пространства авторитетного текста**

Аннотация: На материале истории создания и изучения цикла сказаний о Тихвинской иконе Богоматери рассматриваются стратегии конструирования и модификации нарративного пространства в рамках культурных практик, утверждающих авторитет текста и невозможность его изменения. Показана динамика формирования нарративного пространства, зародившегося в XVII в. рамках магистральной религиозной практики на стыке эпох позднего средневековья и нового времени, далее функционировавшего в рамках маргинальной религиозной и культурной практики, затем в рамках магистральной в XX веке научной практики, и возвращенного в начале XXI в. религиозную практику.

The strategies of constructing and modifying narrative space are viewed in the context of the practices affirming the authority of a text which cannot be modified, using the cycle of legends about the Tikhvin icon of the Mother of God. The study shows the dynamics of the developing narrative space which originated in the 17th century within the mainstream religious practice at the junction of the late Middle Ages and the Modern Age. This space continued to function within marginalized religious and cultural practices, than within science, and finally returned to the mainstream religious practice at the beginning of the 21st century.

Ключевые слова: нарративное пространство, книжная миниатюра, иллюстративный ряд.

Narrative space, book miniature, visuals.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3634078. E-mail: pa.nina@mail.ru.

Понятие «авторитетный текст» предлагается в качестве обозначения статуса текста в определенных системах репрезентации, наделяющих текст иммунитетом. Так, невозможность какого бы то ни было изменения текста имплицитно присутствует в религиозной практике (понятие канона), и в практике научной (понятие неприкосновенности источника). В утверждении неприкосновенности заключается общность подхода к тексту в науке и религии, которая позволяет нам рассматривать функционирование определенного текста, являющегося объектом этих двух практик, как непрерывное. Наука обращается с текстом источника так же, как религиозная практика с каноническим текстом – отрицается сама возможность вмешательства, оно является фальсификацией источника / ересью. Тем не менее, как будет показано, круг образов и их отношений, генерируемых таким текстом, находится в постоянном изменении даже тогда, когда не меняется ни одна буква канона / источника.

Нарративное пространство в рамках реляционного подхода понимается как порядок отношений объектов, которыми в данном случае являются образы событий, кодированные знаками различных систем, а также как порядок возможных отношений, которые актуализируются в рамках той или иной дискурсивной стра-

тегии [Hermann, 2004]. Выбор стратегии определяется позицией, которую в данное время занимает текст, принадлежностью его к магистральным или маргинальным культурным практикам. Так, нарративное пространство Тихвинской иконы Богоматери конструируется в эпоху развитого средневековья как канонический текст, иконический (серии иконных клейм и книжных миниатюр) и вербальный (записанный и произносимый, поющийся во время богослужения), и модифицируется вплоть до настоящего времени, перемещаясь из магистральных культурных практик в маргинальные и обратно.

По легенде икона Богоматери явилась на Руси в 1383 г. в окрестностях Великого Новгорода над Ладожским озером и совершила шествие по воздуху к реке Тихвине, задерживаясь в нескольких местах на пути и совершая чудеса. На Тихвине, где остановилась икона, по повелению Василия III в 1515 г. был построен каменный Успенский собор, а в 1560 г. Иваном Грозным основан при этом соборе Тихвинский Успенский мужской монастырь. В 1613 г. Успенский монастырь выдержал саду шведов, а в 1617 г. был заключен Столбовский мир со Швецией. Эти события связали с чудесным заступничеством иконы. До 1936 г. икона хранилась в Успенском соборе. В 1936 г. богослужения в соборе были прекращены, икона находилась в разных храмах Тихвина. В ноябре 1941 г. Тихвин после ожесточенных боев был оккупирован немецкими войсками, икона вывезена за рубеж и с 1950-х гг. находилась в Чикаго. В 2004 г. икона была торжественно передана в Успенский собор Тихвинского монастыря [Книга, 2004].

Текст легенды о явлении иконы впервые был записан в конце XV в., наиболее ранние списки Сказания датируются XVI в. Текст Сказания был включен под 1383 г. в официальные летописи. На протяжении XVI – XVII вв. Сказание неоднократно перерабатывалось и дополнялось новыми сведениями. В первой половине XVI в. происходит отождествление Тихвинской иконы с константинопольской иконой Богоматери Одигитрии, исчезнувшей из столицы Византии. События Смутного времени и осады Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. нашли отражение в воинской повести, которая затем была включена в состав летописи. Позднейшая распространенная редакция Сказания представляет осаду Тихвинского Успенского монастыря на широком историческом фоне эпохи Смутного времени. Отдельные Сказания были составлены о пожаре в монастыре в 1623 г. и о поновлении иконы в 1636 г. игуменом Герасимом Кремлевым. С 1642 г. известна Повесть о начале иконописания, рассказывающая об истории иконы Богоматери Одигитрии до появления ее на Руси. Также к XVII веку относится служба явлению иконы. В середине XVII в. иконописцем Успенского монастыря Родионом Сергиевым был создан иллюстрированный компилятивный свод, объединивший существовавшие к тому времени произведения и получивший название «Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской». В 1671 г. появилась новая редакция «Книги», принадлежащая Симеону Полоцкому, известному литературному деятелю круга царя Алексея Михайловича. В XVIII – XIX веках «Книга» неоднократно копировалась, часто с миниатюрами, в одной из этих двух редакций либо в объединяющей их компилятивной редакции.

История изучения текста Тихвинской иконы начинается в XIX веке в рамках краеведения [Бередников, 1859; Мордвинов, 1925] и деятельности ОЛДП [Сказание, 1892] и подхватывается во второй половине XX века историками, филологами и искусствоведами [Иванова, 1966; 1969; Jaaskinen, 1976; Кириллин, 1989; 1992; Серебрякова, 2003]. В начале XXI в. широкий интерес к иконе инициирован процессом ее возвращения в Россию. Ей посвящается конференция в Санкт-Петербурге [Чудотворная, 2001], затем осуществляется факсимильное издание одного из списков XVIII века [Книга, 2004].

Предельная конкретизация начальных письменных известий о Тихвинской иконе убеждает в том, что одной из задач фиксации легенды о ее явлении в XV веке была защита клира от подозрений в иконоборческой ереси и защита

монастырских земель от попыток секуляризации со стороны властей [Кириллин, 2007, с. 89]. На этапе начального конструирования нарративного пространства Тихвинской иконы определяющей была стратегия освоения и защиты физического пространства, которое в средневековье понималось как место, локус, или некоторый набор мест, в отличие от более позднего представления о пространстве как глобальной сущности. Соответственно нарративное пространство имеет горизонтальную структуру последовательности мест (рассказов), и повествование как композиционный принцип определяется перемещением иконы. В XVI в. горизонтальная структура начинает достраиваться по вертикали: появляется хронологическая последовательность событий, происходивших в одном месте (основания собора и монастыря, поклонение иконе царей Василия III и Ивана IV).

В XVII веке вертикальная и горизонтальная структуры развиваются и гомогенизируются, образуя новую существенную модификацию нарративного пространства в рамках общей для этого времени компендиальной стратегии. В своде «Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской» происходит не просто аккумуляция элементов нарративного пространства, но происходит его перемоделирование, практически конструирование заново. Инструментом гомогенизации структуры вертикальной (от написания прижизненного образа Богоматери до современных автору чудес) и горизонтальной (от Константинополя до Москвы и северных городов Руси) становится градозащитная сюжетно-жанровая модель Памяти Великого Акафиста («Повести о неседальном»). Свод в целом и его отдельные составляющие (Повесть о начале иконописания, Сказание об осаде 1613 г., Службы) строятся по канонической схеме, выработанной на основе этого текста. В нее включается описание вражеской мощи, моление образу Богоматери и Христу или выход священного главы города на стены с образом, чудесное избавление от врагов, благодарение Богоматери. Градозащитная модель действует на самых разных уровнях: собственно в тексте свода, в архитектонике кодекса, в миниатюрах. И Родион Сергиев, и Симеон Полоцкий сознательно добиваются этого эффекта, но совершенно разными средствами. Первый, как иконописец, огромный комплекс смыслов переносит в визуальный ряд. Второй, как литератор, отбрасывает или игнорирует визуальный ряд (о черновике его редакции см.: [Серебрякова, 2003]), усиливая нужное звучание текста прямыми цитатами из Великого Акафиста. При последующем копировании к этой редакции совершенно естественно был присоединен структурированный по тем же акафистским принципам визуальный ряд Родиона Сергиева [Панина, 2008; 2010б].

До XVIII века рассматриваемое нарративное пространство функционировало в рамках магистральной культурной практики – официального православия. После осуществившегося перехода к эпохе нового времени текст Тихвинской иконы вытесняется в маргинальные культурные практики старообрядчества. Определяющей становится архаизирующая стратегия, установка на полную консервацию нарративного пространства, и это кардинально меняет, но не останавливает процесса его модификации. Главное изменение состоит в утрате «скелета», что немедленно становится заметным по визуальному ряду списков второй редакции в XVIII в. Он полностью теряет заложенную Родионом Сергиевым акафистную структуру, становясь средством механического разделения глав [Панина, 2010б].

Еще одна разновидность архаизирующей стратегии связана также с маргинальной культурной практикой позднего старообрядческого коллекционирования, предположительно вдохновившей незаурядного мастера начала XIX в. на создание иллюстрированной рукописи, давшей новую весьма существенную модификацию нарративного пространства, опять только на уровне визуального ряда. Отступления от канонического единства в построении повествовательного пространства Тихомировского списка (ГПНТБ СО РАН, собрание Тихомирова № 26) проявляются не в упрощении связей миниатюры с текстом, как это было XVIII в., а в актуализации этих связей с позиций, явно имеющих цель сохранить концепту-

альное единство повествовательного пространства. Состав визуального ряда значительно усложняется не только за счет событийной насыщенности (что естественно для иллюстрации нового времени), но также за счет экфрасиса и аллегорических толкований – средств, явно почерпнутых из знакомства с книжной миниатюрой XVI в., которая до этого никак не была задействована в конструировании нарративного пространства Тихвинской иконы [Панина, 2010а].

История творческого (канонического) освоения этого последнего закрывается Тихомировским списком. В XX веке текст Тихвинской иконы возвращается в магистральную культурную практику эпохи, но теперь это была практика научная. Здесь определяющей явилась общая для советской медиевистики апологетическая стратегия: чтобы оправдать свой интерес к объекту исследования, столь явно относящемуся к не просто маргинальной, но активно преследуемой религиозной практике, советский медиевист должен был доказать ценность его как источника либо как произведения искусства. С точки зрения истории акцентируется внимание на важности текста Тихвинской иконы для изучения народных движений (к ним относились и ереси [Казакова, Лурье, 1955]), идеологических течений [Кириллин, 1989], Смуты и освободительной борьбы с польскими и шведскими интервентами, искусствоведения – на художественных достоинствах миниатюр, которое на деле для большинства поздних списков является весьма спорным. В последнем случае исследователь старается компенсировать недостатки мастерства художника акцентированием конкретности и наглядности миниатюр [Енин, 2008, с. 55]. Исторический и филологический анализ текста Тихвинской иконы внесли наибольший вклад в создание комплекса фактических сведений, послуживших источником существенного расширения нарративного пространства Тихвинской иконы в конце XX – начале XXI века.

Оно связано с радикальной сменой исследовательской установки, движущейся от безусловно материалистической позиции к признанию идеальных сущностей. В ситуации верующего исследователя расширение нарративного пространства Тихвинской иконы происходит в рамках научной практики, остающейся магистральной, средствами религиозной практики, остающейся маргинальной. Признается чудесная, сверхъестественная природа объекта, который исследуется рационалистическими методами классической науки. В этой ситуации исследователь может пойти двумя путями: менять маски, превращаясь из верующего в материалиста, когда занимается наукой. Второй путь заключается в том, чтобы избежать точек непреодолимого противоречия (в данном случае такой точкой будет, например, вера в явление иконы по воздуху). Именно этот путь является продуктивным с точки зрения генерации нового нарративного пространства, так как для него вырабатывается новая стратегия, которая может быть определена как интегративная. Наиболее ярким примером являются дорогостоящие факсимильные издания книжных памятников с миниатюрами, финансируемые Патриархией либо верующими меценатами, со стороны которых сам акт такого издания имеет значение вклада, то есть смысл прежде всего религиозный, а потом уже научный. В предисловии к факсимильному изданию «Книги об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской» XVIII в. из РНБ, приуроченному к торжественному возвращению иконы в Россию, традиционный научный комментарий сопрягается с каноническим нарративным пространством чудес от Тихвинской иконы в его вариации XVIII в., выступая уже не как опровержение чуда, а как расширение его смыслового поля. Одним из важнейших средств интеграции является заимствование концептуального аппарата исследуемого памятника [Книга, 2004]. Научный текст оперирует категориями исследуемого источника, существенно модифицируется не только набор понятий, но сам жанр научного исследования, появляются различные переходные формы. Так, публикация исследования может заканчиваться обращением к читателям в жанре проповеди [Кириллин, 2007, с. 234]. При этом гораздо более отстраненной становится оценка художественных достоинств визу-

ального ряда, которые в рамках новой стратегии не играют определяющей роли. Новое нарративное пространство имеет рамочную структуру, в которой читатель движется от научного обрамления к легендарному, чтобы выйти в каноническое пространство чуда.

Литература

Бередников Я. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. СПб, 1859.

Енин Г.П. Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1999. С. 123–125.

Енин Г.П. Шведская оккупация Новгородской земли в русской книжной миниатюре // Альманах «Чело». 2008. № 1(41).

Иванова И.А. Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1966. Т. XXII. С. 419–437.

Иванова И.А. Летописные сведения об иконе Богоматерь Тихвинская // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. XXIV. С. 242–245.

Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955.

Кириллин В.М. «Сказание о Тихвинской Одигитрии» в общественно-политической и культурной жизни Руси конца XV – начала XVI веков // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Вып. 1. С. 368–406.

Кириллин В.М. Идея преемственности власти в древнерусской литературе о чудотворных иконах Богоматери // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Вып. 3. С. 375–398.

Кириллин В.М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Его содержательная специфика и связи с культурой эпохи. Тексты. М., 2007.

Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. Предисловие и научный комментарий Е.В. Крушельницкой. СПб., 2004.

Мордвинов И. П. Старый Тихвин и нагорное Обонежье. Исторический очерк. Тихвин, 1925.

Панина Н.Л. «Книга об иконе Тихвинской»: работа иконописца с миниатюрой и текстом // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 201–211.

Панина Н.Л. К датировке миниатюр «Книги об иконе Тихвинской» из фондов ГПНТБ СО РАН // Сибирский филологический журнал. 2010а. № 1. С. 139–145.

Панина Н.Л. Миниатюры списков «Книги об иконе Тихвинской» XVII–XVIII вв. и Акафист Богоматери // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2010б. Том 9. Вып. 2: Филология. С. 119–124.

Серебрякова Е.И. К вопросу о типах лицевых рукописных «Книг о Тихвинской иконе Богоматери» XVII – XVIII вв. // Труды Государственного исторического музея. М., 2003. Вып. 136.

Сказание о Тихвинской иконе Богородицы: Воспроизведение части лицевой рукописи XVIII в. из собрания ОЛДП, Ф. 38 (изд. ОЛДП № 70, 101). СПб., 1892.

Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография, история, почитание: тезисы докладов международной научной конференции. СПб. – Тихвин, 2001.

Jaaskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition. Helsinki, 1976.

Herman D. Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative. University of Nebraska Press, 2004.